

Пророчества о грядущем конце света появлялись на протяжении всей истории человеческой цивилизации. Но именно в средневековой Европе люди с ужасом и содроганием постоянно ожидали неминуемого наступления очередной роковой даты.

Словно волки

В IX веке Европа выглядела почти безлюдной пустошью, где на сотни миль тянулись непроходимые леса. Лишь кое-где примитивный деревянный плуг робко проводил борозду в бедной глинистой почве. Тощие волю, редкие крестьяне-оборванцы, ютящиеся в мазанках из глины и веток. Город, который в римское время сочли бы грязной деревней. Десяток лачуг, где живут кузнецы, ткачи и виноделы, — голый скелет, оставшийся от великого прошлого, о котором помнит лишь горстка образованных монахов. Пятьсот лет назад здесь стрелами разлетались великолепные римские дороги, маршировали бронированные легионы, высились мраморные колоннады языческих храмов. Здесь торговали купцы из Персии и богатейшего Кушанского царства. И вот от минувших дней остались только легенды, в развалинах римских дворцов мелькают призраки давно умерших патрициев да прячутся волки.

По сравнению с мусульманским Востоком или блистающей Византией Европа бедна и провинциальна. Это дикий край, где люди прекрасно знают, что такое голод. Хронисты скрупулёзно зафиксировали все неурожайные годы: «Люди набрасывались друг на друга, многие убивали себе подобных и, словно волки, утоляли голод человеческим мясом». Вряд ли можно считать вымыслом сообщения о горах мёртвых тел, о толпах крестьян, евших землю и вскрывавших склепы в поисках свежих трупов. Хронисты так кропотливо описывали эпидемии, нашествия саранчи и стихийные бедствия, уносившие тысячи жизней, потому что воспринимали эти события как свидетельства ничтожности человека перед лицом всемогущего Бога. Монахи-летописцы, видя всю тщету человеческой жизни, искали скрытые

знаки, которые указали бы им на приближение второго пришествия Христа, Страшного суда и тотального уничтожения дряхлого мира.

На пороге очередного Апокалипсиса

Помощь в расшифровке божественных знаменений монахи находили в «Откровении Иоанна Богослова». В двадцатой главе было написано, что сатана освободится от цепей и всадники, сеющие смуту, появятся со всех концов земли, когда «окончится тысяча лет». В середине X века парижские священники проповедовали в одной из церквей, что «Антихрист придёт в конце тысячного года и вскоре последует Страшный суд». Другие считали, что не всё так плохо: вслед за приходом Антихриста случится последняя битва и наступит тысячелетнее земное царство Иисуса Христа. Так число «тысяча» наполнилось мистическим содержанием, и появился миллениаризм — утопическое движение, ставшее выражением надежд на земную справедливость.

Вряд ли пророк, записавший на острове Патмос свои ужасающие видения, предвидел, что в далёкой Европе на рубеже 1000 года его книга станет наглядным пособием по эсхатологии. Но именно так и случилось. Культуролог Валерия Косякова пишет: «Это могущественное и образное пророчество влияло на умы и воображение, заставляя людей бояться, грезить и создавать зримый эквивалент кошмарных картин неминуемого будущего, описанных автором «Откровения». Апокалипсис надвигается, приближаясь вплотную к человеку, сжимает его в цепких объятиях, становясь реальнее, чем сама реальность».

Летописцы повествуют о чудовище, подобном киту, напоминавшему остров: «Он появился однажды в ноябре на рассвете и был виден до